

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 1

1986

Арви СИЙГ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ЕСЛИ БЫ СНОВА...

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 1

Арви СИИГ

ЕСЛИ БЫ СНОВА...

СТИХИ

Переводы с эстонского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Арви Сийг

Арви Карлович Сийг, известный эстонский поэт, родился в 1938 году в Таллине. Учился в Таллинском педагогическом институте и в Тартуском государственном университете (заочно).

Печататься начал с 1958 года. С 1961 по 1976 г. работал в редакции журнала «Ноорус» («Молодежь») сначала литсотрудником, потом заведующим отделом поэзии. Занимался публицистикой, переводил стихи русских поэтов (Евг. Евтушенко, А. Вознесенского, В. Маяковского), с английского (Э. Гаммингса, А. Гинсберга), писал тексты для песен. Лауреат премий Союза журналистов ЭССР (1966), Союза композиторов ЭССР (1972), Ленинского комсомола Эстонии (1974), журнала «Дружба народов» (1974), журнала «Огонек» (1984).

На эстонском языке издано 10 сборников А. Сийга, в переводе на русский язык — 4 сборника: «Сиреневые сигналы», «Перекресток», «Ливень об асфальт», «Квадрат травы».

Стихи Арви Сийга переводились на языки народов СССР, а также на польский, венгерский, болгарский, словацкий, финский, сербский, испанский, английский.

Член Союза писателей СССР с 1967 года.

ОГНИ В НОЧИ

Неизъяснимой мукою влеком,
я к ним тянусь, то смело, то невольно.
Душа моя ступает босиком
по щебню и жнивью. Но ей не больно.

Огни в ночи — далекий человек.
Огни в ночи — герой любимой книги.
Или как очи женщины... Вовек
их не постигнуть. Несказанно тихи.

Когда я жил бесцельно и случайно,
ваш слабый свет спасал меня не раз.
И понял я — начало безначально
и бесконечно будущее в вас.

Когда б не вы, не мучила тоска
по дням иным, по цели идеальной.
Когда б не вы, развязка так близка
своею несвершенностью банальной.

Но сколько бы стерпеть ни суждено,
против того и больше бы стерпела
душа моя — в потемках все равно
влечется к ним, плутая то и дело.

ФОТОСНИМОК

Улочка кривая
в сумраке глубоком.
Стены. Мостовая.
Ожерелье окон.

В крайнем — свет. И стрелка
строгой старой люстры.
На окне тарелка
с жареной капустой.

Запах пищи слабый
с улочки кривой.
Мимолетный запах
вечности самой.

ТЕСТ НА УГЛУ УЛИЦЫ

Куда, старик, мечты пропали наши?
Они ведь были, были, были! Да!
Давай поговорим о том, вчерашнем,
о том прекрасном времени, когда,
красивые, уверенные в силе,
явились мы, чтоб город победить.
Давно мы те одежды износили,
в них на люди неловко выходить.

Не покорился город. Не открылся.
«Да» — говорил, а ухмылялся — «нет».
И вот тогда в загадку превратился
любой из нас как бы ему в ответ.

Пусть бьются социологи над нами!
Людей не разместить «от сих до сих» —
во мне,
спокойном,
бьется плавниками
вчерашний, беспокойный арвисийг.

Ну что, малыш, все о добре и дружбе?
Но навсегда я выучил урок —
враги не меньше сослужили службу:
теперь их нет,
и стал я одинок.

Иметь врагов — немалая заслуга,
и жизнь и справедлива и строга,
и нет с тобою подлинного друга,
коль нету настоящего врага.

ПЕРЕКРЕСТОК

Как много мы с тобой успели врозь
с тех пор пройти! Не сосчитаем сами,

как много перекрестков набралось,
вокзалов и свиданий под часами.

Но все это — огни, глаза, вокзалы —
лишь слабый сколок с тех минут, когда
я молча ждал, чтоб ты мне «да» сказала,
Всё ждало моего вопроса «да».

Мы знали разве, что приучат годы
к другой любви, другим рукам и дому,
что мы, чей жар мог обогреть весь город,
искать тепла отправимся к другому?

Но как легко наш разговор ведется!
Как откровенны все слова твои!
О, неужели только так дается
на дружбу право? Так — ценой любви?

Мы одиночки-путники с тобой,
все пройденное за собою тащим,
скрыв радость горькую и радостную боль
в безмолвном крике, в тишине тишайшей.

ЕСЛИ БЫ СНОВА...

Если бы снова пройти под ветром
по улице, ветром скомканной.
Если бы снова не слушать советов,
заговорить с незнакомкою.

Снова бы, как кардиограф, слышать
земли сердцебиение.
Чувствовать нерв и каждую мышцу,
как гонщик педаль сцепления.

Снова себя почувствовать нищим,
всем на земле владеющим.
Быть богачом, который не ищет,
что бы еще да где бы еще.

Если бы снова на автодроме
стать толпой на мгновение.

Если бы снова в блеске и громе
трубить День Сотворения.

Если бы снова на зябком рассвете
двинуться в даль размытую.
Снова пройти бы, в траве не заметя
могилу свою забытую.

* * *

В парке косят. Трест благоустройства
точит косы, как заведено.
Я смотрю... И точит беспокойство —
думал, с ним покончено давно.

Оселки по косам — звук железный.
Запах сена, как на рану соль.
Память... Но ведь память бесполезна,
как мозоль.

Дорогой мой трест благоустройства,
стоит ли, ей-богу, воскрешать
миф о лете? Миф имеет свойство,
как и все бывшее, исчезать.

Утром все конкретно: травы, птицы.
Утро не спешит. Его пора —
это миг, когда освободится
нерв, застрявший где-то во вчера.

Не для старцев сотворенье песни —
для детей... Но льнут в конце концов
листья к дубу, дети — к деду, если
небогата сказка у отцов.

Двое юных здесь, у кромки луга.
И глаза их зелены, чисты —
от травы ли палой, друг от друга...
Может, от космической мечты?

На закате дня поступим мудро:
вспомнив день, благословим его!
Что ж до утра — даже зная утро,
мы о нем не знаем ничего.

ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ

1

Как веки на пути, торжественные даты.
Здесь человечество прошло до нас.
Как памятники,
здесь на нас сейчас
они глядят —
истории солдаты.
А время — цепь живая,
звнящая у жизни на ветру,
то скрытно, то открыто,
и памятники — ей опора:
секунды мраморные,
миги из гранита.

2

Когда великий Сын Земли
уходит навсегда,
Земля не скажет,
будет ли нетленным
его завет,
Земля не скажет —
даст ли и когда
опять расцвеств его могучим генам.

Но где тот памятник, чтоб, как итог,
я высечь мог на глыбе из гранита:
«Алхимик здесь лежит, он золото извлек
всего лишь навсегда
из знаков алфавита».

3

Должно быть много в человеке
от героя,
чтоб выстоять в кровавую годину
и, радужных надежд в себе не строя,
и вопреки всему —
учить любви
и дочь и сына.

Я говорю о Ней.

Лишь ей дано
грядущее поднять.
На всей Земле одно ей имя —
Мать.

ТИГРЫ

Когда их в зоопарк доставили с успехом
из леса, что дремуч, и девственен, и строг,
был обезьяний цирк! Не сдерживая смеха,
«И-а», — орал осел, и навонял хорек.

С пещерою — вольтер. Решетка — просто диво.
Все каркал попугай: он мудрым быть привык.
Уж не к слону ли вдруг их зависть охватила,
когда исторгнут был из глоток страшный рык?

Молчали все кругом, когда они кидались,
стена и рыча, на прутья — морды в кровь.
Потом они без сил, как мертвые, валялись,
и обезьяний цирк возник бесстыже вновь.

Но вот прошли года. О, как осел с ослицей
осели, онемев, узрев такой парад:
три копии вела вслед за собой тигрица,
и был у всех троих тигриный грозный взгляд.

Решетка — как была! Да что случится с нею!
Тигрица на нее смотрела иногда.
И нянчила тигрят. Все строже. Все нежнее.
Что это — выход? Нет. Что это — выход? Да.

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА

Пыль. Полчища туристов. А жара —
как в бане. Ей, жаре, людей не жалко.
Я дочку взял с собой, удрал с утра
на празднество короткое — рыбалку.

Дитя асфальта, дочь моя была
как бы на первом выпасе теленок.
Стояла долго. Наконец пошла
и обняла березу, как спросонок.

Взгляд и в себе и в даях был глубок.
Кору березы гладили ладошки,
и слезы вырвал у нее крючок,
застрявший в жабрах простенькой рыбешки

Стояла дочь, задумчива, тиха,
и что-то вдруг во мне остановилось.
Пока варилась в котелке уха,
дочь из ребенка взрослой становилась.

Чего ей это стоило — постичь
всю связь времен, жестокую, простую,
в которой крови наших предков клич,
и эта синева, и эти струи!

А я, казалось, рос... Обрато рос,
для дочери став чем-то вроде сына,
когда она, проняв меня до слез:
«Отец, тебе не холодно?» — спросила.
Теплее не бывает. Вечный мир
меня обжег, и жизнь во мне проснулась,
а из костра на лунный свежий сыр
семейство лисье к пламени тянулось...

ТАИНА ЛЕСА

Орешник по-щелячи слеп.
Сосны уверенность.
Осенний сумрак, зимний лунный серп.
Во всем умеренность.

Ольшаник бледный, вербы бесконечность.
Март в зыбкой пелене.
И все ж природа впитывает вечность
так, в полусне.

И ельник держит кроны, как короны.
Ель — королева леса,
чьи дух и власть не ведают урона.
Им нет противовеса.

Лес детства моего! В душе таились разом
и страх, и тяга роковая.
Дремучий лес, ты — коллективный разум,
ты — мудрость вековая.

Ты языком хвоинки самой малой
шлешь весть святую.
И птичий клюв — как рупор для сигнала:
«Я существую!»

Но твой язык древней, трудней санскрита.
А мы невежды.
Твой мощный шум... Деревья-монолиты —
как знак надежды.

И скрежет пил — в них та же весть витает,
и в скрипе половицы,
и в том, как, постепенно оживая,
шуршат страницы.

О лес, то обещаешь, то зловещность
в сигнале том.
Вот так писателя страшит извечно вечность
перед пустым листом.

Последний миг... Растает ли завеса?
Кончается игра?
Увы, лишь вымысел — отнюдь не тайна леса
на кончике пера.

* * *

Был ветер на небе, огонь был на земле,
котел был на костре и крышка на котле.

Котел пыхтел, был от натуги ал,
а человек стихи в огонь бросал.

Огонь взбодрился и стихи прочел.
Как шляпу, крышку приподнял котел.

Сказал он: «Буль-буль-буль — я так пою.
Что песнь твоя? Послушай песнь мою».

Тут ветер выдул пламень из костра,
и песнь костра развеяли ветра.

И человек, догадкой томим,
смотрел на пламень, укрощенный им.

БЕРЕЗА

Ты, как принцесса, разодела,
ты вся расцвечена.
Но на запястьях не браслеты,
а птицы певчие.

Роса сверкает на ресницах,
и взгляд твой светел,
торопится наговориться
с тобою ветер.

Он был везде без исключения —
он все расскажет.
И все новейшие ученья
он знает также.

Но голове твоей беспечной
легко и вольно.
Пусть трудятся во мраке вечном
шахтеры-корни!

Придет к тебе любитель сока,
и нож вонзится.
В твоих корнях, в листве высокой
боль повторится...

* * *

Лугов зелеными цветными берегами
проходит синий август. С поля дышит
теплом вечерний ветер и колышет
сырой туман над тихими лугами.

Сгустились краски, тихо в поле. Росными
траву и небо вызвездило каплями.
И стелют сумерки туман белесый на поле
легко, как на постель ты стелешь простыни.

День светится еще в твоих глазах. Нет сна.
Мозоли на ладонях у тебя, точь-в-точь
как зерна твердые... Хлебами пахнет ночь,
всезреванья тайной ясности полна.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Изгиб твой каждый, как тугой донельзя лук,
стрелу к стреле в мое вонзает тело.
Благодарю Ваятеля за дело
его воистину благословенных рук.
Изгиб твой каждый, как тугой донельзя лук.

Все лучшее, что в этом мире есть,
ты вобрала в себя. Благодарю мгновенье,
когда мы встретились. Тебе благодаренье
за каждый вздох, за стать твою и честь.

Твой вздох — он глубже голосов прилива.
Изгиб твой каждый, как тугой донельзя лук.
О боги! Той стрелы, увы, не слышен звук,
и я, сраженный ею так счастливо,
кричу от сладостно-неповторимых мук,
и этот счастья крик — какое диво!

И тишиною обернулся гром,
чтоб возгласить: «Да будет озаренье!»
Грядущее, оно — зеленое виденье,
Куда с тобою вместе мы идем.

И я хочу благодарить, любя,
Ваятеля, создавшего тебя.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Август

Ах, лето, где твоя броня
зеленая, не знаешь?..
По кромке пасмурного дня
дождями вышиваешь.

Цедить бессонные часы,
впиваясь в тьму густую,
где зажигалкою грозы
сверкает ночь впустую.

Гнездо

Пронзительно
кричит птица

над опустевшим гнездом.
И кружится, кружится..

Однажды
одного из нас
не станет.

Пронзительно
кричит птица
над опустевшим гнездом.

Некролог

Мощные стрелы железных дорог.
За рощей скрылся большак.
Рожденный землю в землю уйдет.
Так было и будет так.

Сеятель.

Поле.

Ольшаник родной.
Нерасторжимая связь.
Пускай и в ветре тоска поет.
Мудрость с землей срослась.

Каждому корню простор — глубина.
Стеблю предел — высота.
Некрологи железнодорожных гудков.
Тишина полей.

Немота.

ВОСПОМИНАНИЕ О БАБУШКЕ

Я помню твое лицо,
испещренное морщинами
и потемневшее,
словно страница библии,
которую ты читала в зимние вечера
при бедном свете
керосиновой лампы.

Ты была старая, как сама Эстония.

А весной, когда цвели вишни,
мне казалось,
на плечи деревьев
накинута
беленная твоими руками,
освежающе пахнущая
льняная простыня.
И я дремал в ней, как в коконе.

Ты была старая, как сама Эстония.

А полей и садов
летняя пестрота
была такой,
словно ты вынула из сундуков
и вывесила на солнце
все свои блузки и юбки девичества.

Ты была старая, как сама Эстония.

А осенью сверкали в твоих пальцах
вязальные спицы — крохотные вилы,
и рукавицы — крохотные скирды —
вырастали у тебя на коленях.
Издаലെка тянулась,
из вечности
шерстяная серебряная нить —
луч солнца через окно.
В ивовой корзине загона
катались белые мотки.
Так вязала ты себе
бесконечную зиму.

А весну оставила мне
как наследство.

ДУБ

Что думал дуб,
когда задули ветры
и лист качался,
осенью раним?
Наверное, он осени не верил
и верность лету
светлому хранил?

Что думал дуб,
когда январь трескучий
ярился, нагоняя холода?
— Хоть листья удержу
на всякий случай.
Все потерять
не поздно никогда.

ДИКИЙ ГОЛОС ЛЕСНОЙ

Средь осоки березы
по-летнему светятся чудно...
Обгоревшие пни
на уснувшей поляне лесной.
Только вдруг возникает
какое-то странное чувство,
будто кто-то крадется —
недобрый — здесь, за спиной.
Что за звук? Не слышалось?
Ели подняли иголки.
Содрогнулась береза,
прошла по осоке волна.
А ведь было так тихо:
ни ветра, ни грома двустволки,
только тучка-овечка,
безвредная, в небе одна.
Вот он снова... Так явственно...
Стон или рев непонятный
Роковая угроза...
Не кончится дело добром!
Даже мирная шляпка
лесной сыроежки опрятной
обернулась на миг
сатанинским смертельным грибом.
Дикий голос лесной!
Что-то было похожее с нами..
Накануне беды
этот голос меня подкосил...
Вылетает косуля,
спасаясь большими прыжками,
будто кто-то, как камень,
ее из кустов запустил.

Радость девочки изгнана страхом —
мячик вдаль по течению плыл,
волна ударяла его с размаха
и уносила его без крыл.

Добрый дядя спиннингом с берега
хотел подсобить — что ж, рыбацкий пыл.
Щуренок клюнул тихо и бережно,
а мячик вниз по течению плыл.

Ах, эти милые детские горести —
дошкольник ты или ты в годах...
Смех после слез — желанным гостем,
разве не так?

Вокруг светила кружащимся мячиком
ловко орудуя на ветру,
мы круглые сутки стоим начеку —
не приняли б это все за игру.

Не называем их именами
вещи, кладем на названья запрет,
иначе не будет удачи с нами —
мяч отберут, а с ним целый свет.

На этот мяч мы цены не знаем,
ни звезды, ни время не объяснят,
как мы играем, во что играем
и где златоносный упрятан клад.

Любой мастак признается честно,
что вкалывал он до потери сил,
но от мяча своего, известно,
до самой смерти не отходил.

Девочка — радость ее на пределе —
играет в мяч, как играют судьбой.
Играй, дитя,
хотя на деле
не ты им играешь,
а он тобой.

КУСТ

куст куст куст
сирень крыжовник шиповник можжевельник ольха

корень — в кодексе который древнее земли
куст — дитя сложноподчиненного предложения
природная икебана живые розги
горсть устремлений дорог тропинок
большак для букашек
вязанка ложных и обходных путей и судеб

качается ветка — вечная стартовая площадка
почта листик цветок ягодка или шип на ее острие
на ее острие — простор — дверь открытая
в бездну
для всех бескрылых
но для крылатых — полет полет полет
лети бабочка муха комар пчела
или птица видение бог
предания мифы звездолеты
писк журчание дрожь —
появленье союза в этом сложном предложении

ПТИЧЬЕ ЯИЧКО

Птичье яичко —
ты, может, подкидыш?
Да обойдет тебя
чья-нибудь грубость!
Если гнездо ты невольно покинешь,
ты —
воплощенная слабость и хрупкость.

Ты на ладони
нежное-нежное:
неба слезинка окоченевшая.
Крапинки,
точки
и запятые
черные,
рыжие,
чуть золотые.

Ты не разбилась,
и я не разбился.
Из одного мы с тобою гнезда.
В маленькой точке земли я родился.
Точки побольше —
большие города.

* * *

Мирно дремлют безмолвные траулеры.
Скрыт горизонт за туманом, тоскливо.
Морось и краски осеннего траура.
Скользкий причал и на водах олифа.

Ржавчиной пахнет, мазутом и сыростью,
рыбой на матовом этом причале.
Печаль ли смогла из туманности вырасти,
туманность ли это растет из печали.

Тупо, тоскливо в предчувствии вечера,
звоны, таверча, гитары, стаканы.
В рюмке коньяк, как янтарик, посвечивал,
виделись в отвесах южные страны:

танго, что выгнуто дикою кошкою,
самба, что свой приготовила коготь,
так притворяется ласковой кошкою,
так упоительно просит не трогать.

Залп фейерверка, огни карнавалыные
чьим-то горячим дыханьем согреты.
В ночь удаляются звуки прощальные,
тлеет во мгле огонек сигареты —

ярко, как страсть, и, как жажда, мучительно.
Город подремывал, сосредоточен,
свет фонарей, что мигал упоительно,
был оправданьем ликующей ночи.

Встал я, глаза наважденьем прищурены,
в мокрой накидке ночной я шагаю
в свете Полярной звезды... Как нахмурены
брови идущего жизни по краю!

ВОЛНЫ

Волна,
 волна
 и снова
 волна,
девятый
 покуда
 не грянет!

Берегу — пена. Морю — хвала.
Отхлынет, но не устанет.

Девятый — что поделаешь с ним! —
сбросит концы с причала.

Кто-то
должен быть
и восьмым.

А кто-то —
начнет
сначала.

НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

«До утра, полдневный парус!..»

Кто услышит? Кто ответит?
Здравствуй, даль, и здравствуй, ярость,
ветер странствий, страсти ветер.

То исчезнет в тьме порожней,
не останутся останки...
То пребудет в нас надежней,
чем деньга в швейцарском банке...

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Проплыло мимо, промелькнуло мелколесье.
Прогрохотала ГРЭС и скрылась за мостом.
Бьют по сердцу, стуча на стыках, рельсы,
как отбивают мясо молотком.

В сердечной боли силясь тщетно разобраться
я у окна стою, как на похоронах.
И кажется, что кто-то из пространства
меня зовет — руки незримой взмах.

Стада, колодцы, дети — мимо, мимо...
Лишь неизменно рельсов полотно.
Над хутором — мелькнул неповторимо, —
над клубом — небо общее одно.

Связуя судьбы, будто бы извечны
мои прямые корни...

Над землей
они вдоль всей дороги бесконечной,
как кабель связи, тянутся за мной.

В них голоса. В них ломкий ветер стынет.
И к ним затишье шелковое льнет.
Кто их найдет,
тот времена обнимет
и голос крови собственной поймет.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Река бурлила морем на излучке,
и горизонт плясал в густых волнах,
тонули рощи, поднимая руки,
птенцы качались в гнездах, как в челнах.

Но на плотине ликовали речи,
и вился в пляске девичий платок,
и в утро превращал извечный вечер
винтом турбины высеченный ток.

Все, что старо, ломало море
рьяно,
реке открылись новые пути,
удилища спускали в воду краны —
деревья, доски выловить, спасти.

Нагромоздив ветвей и бревен стены,
стихия, опасаясь быть скупой,
плеснула вдруг в плотину стогом сена —
с лосихой лось там был полуживой.

Зверей спасли. И лоси в легком беге
пустились в лес — своим путем кружить.
И новый сказ о Ноевом ковчеге
в быту лосином долго будет жить.

КОРРИДА

О пестрый мир, ты неизменно — автокопия!
Арена тонет в золоте, в толпе.

Цветут трибуны — душных тропиков подобие.
Убьет ли зверя человек?.. в себе?..

**О быкборец! Твои выпады умелые
встречает дружно миллионгорлый рев.
Борец или лакей?.. Перчатки белые...
Исполнить мастерски любой приказ готов.**

Кровь — как смола. Жизнь под рукой трепещет
Венок из хищных бандериллий узнаю.
Толпа и жертве и убийце рукоплещет.

Я ненавижу кровь. Я мужество ценю.

ЛЕС

В те времена, когда еще не знали
ни города, ни голоса его,
в лесной избушке жили-поживали
муж и жена. И больше никого.

Хлеб и постель делили, и работу.
Иной порядок жизни был нелеп.
Как жили, так и жили без заботы:
работа, нежность, хлеб, работа, хлеб...

Под этими лесными небесами
и в ссорах не случалось забывать,
что все богатство их — они же сами,
и на замену некого искать.

...В наш бурный век мы более ранимы.
И, электронной скоростью влеком,
я ссорюсь с жизнью зло, непримиримо
и злость сорвать не ведаю на ком.

Но жизнь взглянула женскими глазами,
и сквозь века мне слышится опять:
«Богатство наше — это мы же сами,
и на замену некого искать».

* * *

Засуха. Август.

Все выжжено белым огнем.

Это прелюдия.
 Гулкие звуки роняя,
 туча вдали
 как открытая
 крышка
 рояля.
 Скрыт горизонт,
 как аорта басовая
 в нем.
 Это прелюдия,
 это симфония, всплеск
 страсти,
 что к нам бумерангом вернется.
 Вдруг — топором по клавиатуре —
 скрежет и треск
 Даль отзовется.
 Мрака и молнии
 допотопный мотив.
 Обухом бухнуло по басам.
 В щепки!!!
 Сгрудятся
 громы
 и бешеным стадом,
 рога опустив,
 в нас,
 в наше русло симфонии,
 мчатся.
 Черное небо
 разломится.
 Руки твои
 рухнут на плечи,
 как клятва,—
 верней не бывает.
 Молния.
 Топот копыт.
 Капли в пыли.
 Ливень волос твоих
 весь горизонт застилает.
 Молния.
 Губы — малиновый сок.
 Жар слепой.
 Спелые яблоки — нежной прохладой в ладони.
 Сильного тела
 неутолимый прибой.
 Мол-ни-я.

И — перед зеркалом ты.
Ластится гребень и льнет.
Словно стреха подо льдом, гладкими волосы стали.
Ты и сама
словно дом,
у которого наглухо — ставни.
Может, за ними дрозд,
дивная птица
поет?
Что в этом доме?
Я думал, что знаю давно.
Знаем немногое.
Мним же себя знатоками.
Что в этом доме,
узнать до конца не дано.
Да и не надо.
Все хорошо между нами.
Дом,
и снега голубые,
глухие леса.
Пусть одинокий жилец
его иногда покидает.
Там остается
как хокку на белом безмолвье листа,
птица смысленая.
Ждет.
Льдинка в ресницах сверкает.
Снежная тишь
откровением сна осенит.
Август, как наше начало,
припомнится вдруг
на мгновенье.
Ветер в бурьяне
блаженствует до упоенья.
Музыка в венах звенит.
И зажигает зимой
смоляные поленья.

* * *

Не требуй от близких, чтоб с глазу на глаз
вдруг душу тебе обнажили.
Ведь время и так отнимает у нас
все то, чем душой дорожили.

И вывернуть душу свою не спеши —
как сердца и я не открою.
Снега занесут все пустоты души,
сожмут ледяною корою.

Подольше мгновенье в себе сохрани:
картину, страну или имя,—
и, коль повториться не могут они,
о, как ты богат будешь ими!

Будь бережным, и, как сквозь пальцы — песок,
не все утечет и погрязнет
в обыденном... И, лучезарен, высок,
опять засияет твой праздник.

Неважно, какую причиной зажжен
огонь этот, с истиной дружен,
глаза открывает ослепшие он
тому, кто к тебе равнодушен.

Не нужно нам исповедальных щедрот,
явления сокрытого — въяве.
Какой-нибудь там нигилист не поймет...
Лишь страсть опровергнуть нас вправе.

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Там, за углом,
из окна не виден,—
конец пути трамвайного.
И там
в последний раз
с тобой однажды выйдем.
Я руку,
соскочив,
тебе подам.

Спиной ко мне,
желая знать:
что — дальше? —
ты жадно смотришь
в глубину окна.
В тумане все.
Но мы сойдем однажды,
будь лето, иль зима, или весна.

А руки, что кладу тебе на плечи,—
изъеденная молью бахрама.
Что они могут —
у черты конечной,
там, за углом?..
И все.
Туман и тьма.

ПОЛУСТАНОК

Ночь в траурной раме без края и дна,
и в ней — полустанок не больше пятна.

Фонарь одинокий. Снежинок стада.
Сквозь сжатые губы поют провода.

И голос колесный все больше могуч,
и справа летит перед поездом луч,

и выброшен слева навстречу ему
луч новый, прорезавший полную тьму.

Сойдутся, летя, со звездой звезда,
и грянет тот миг искрометный,— когда

ты хотела просто сердца,
дал я щит — им защитись!
Дал тебе я вместо жизни
нарисованную жизнь.

Разделить с тобою душу
я хотел любой ценой,
но так долго ожиданье
издевалось надо мной.
Рана старая от встречи лишь снаружи зажила
а внутри все ныла, ныла,
чуть всю душу не сожгла.
Грудь груди едва коснулась,
но, единой став, душа
раздвоилась, разомкнулась,
раскололась и ушла.

И справа налево мой луч пролетел,
и слева направо твой луч захотел,

и траурной рамой под грохот и гул
мрак ночи огни полустанка втянул,

и лишь в сердцевине пурги огонек,
огромный, как мир, и, как мир, одинок.

* * *

Все траулеры дремлют у причала.
Скрыт горизонт в тумане и во мне,
и дождь сплошной, как будто до начала
всего, что есть и было на земле.

Мазутом пахнет, и чуть-чуть — трескою,
и круг спасательный, как раненого глаз,
и то ли пасмурность навеяна тоскою,
то ли тоска от пасмурности в нас?

Чужое солнце, вбитое в бутылки,
тоскливейше глотают кабаки,
но лишь прищуришься — увидишь сквозь ухмылки
что южные моря недалеки.

И гибкой кошкой вскальзывает танго,
поблескивая когтем у стола,
и мгла чужая, нежная, как манго,
приходит к нам — сияющая мгла.

В той мгле играют бедра карнавала,
танцует жгучий шепот под хмельком
и сигарета чья-то из провала
невыносимо тянет огоньком.

То тлеет он, как страсть чужая, терпко,
то мутно, словно жажда на губах,
и город наш в ответ огни затеплил
в фонарных позолоченных цепях.

Встаю, шагаю в сумраке недужном, —
ну что за наважденье под дождем?
Я распят на Кресте далеком Южном
Звездой Полярной — северным гвоздем.

ОЛЬШАНИКИ

Что же ольшаники, просто ольшаники,
чем потрясете верхушку, которая
вырвалась к солнцу, покинув кустарники?

Зелени свет. Зелени сень.

Зелени серость.

То ли уйдешь, просветленный совсем,
то ли — отсеясь?

Думы-дубы и красавицы ели
что-то большое вместить не сумели.
Где-то (где — мы никогда не видали)
диво-дымы
и далекие дали,
в снах — эвкалипты...

Доит корову старая бабушка.
Шелест и шепот плывут среди ночи.
Нет, это голос не старой бабушки:
эхо дойки бредет вдоль обочин.

Рядом с ольшаником, вдоль обочин.

В это вступаешь, как в теплое детство.
Голос берешь, как берут наследство.
Милый ольшаник, участливый, вечный
(он с топором примирился, сердечный),

тихий, задумчивый и бесконечный.

В зелени — свет. Птицы поют.
Новости? Новости!
В зелени — тень. Тень и приют.
Нежность в суровости.

Думы — дубы — мудрецов исполиństwo.
Зелень ольшаников — материнство.

Вей, горихвостка, гнездо!

СТАРЫЙ ЧЕМОДАН

Мой старый чемодан,
друг столько долгих лет.
Ты столько выстрадал —
душа твоя отважная.
Бока в царапинах.
Как летный твой билет,
на шее бирка мятая багажная.
Как верный пес,
ждал в аэропортах.
Перед носильщиками
не вставал на лапки.
Ни перед кем не раскрывал ты рта,
тая за пазухою
большее, чем тряпки.
Тебя таможенники,
будто бы дантисты,
изрядно ковыряли в разных странах,
но ничего,
что было бы нечисто,
ты не скрывал,
потертый честный странник.
Ты меньше привозил,
чем увозил,
а то, что привозил,
дарил устало.
Что грустно смотришь,
будто нету сил
и за душой твоею пусто стало?
Полно бессодержательных людей —
их чемоданы,
право,
содержательней.
А чемодан дарующий —
мудрей.
Пустея,
никогда не станешь жадиной.
Своим владельцем жадный чемодан
владеет,
под кровать сует, наглея,
владельца,
что из столько разных стран
унес лишь чемоданные наклейки.
По-носорожьки туп и толстокож
подобный чемодан,
как сам хозяин.

Тошнит от чемоданных толстых рож,
Их бездуховность объяснить нельзя им.
От жизни взять бы все —

вынь да положи! —

Но дать взамен всю искренность,

всю выстраданность!

Пусть буду я посмешищем, —

ну что ж! —

Но этой веры из меня не выскребут!

Мой старый чемодан,

дай пыль с тебя сотру.

Тебя наполню

болью и тревогой.

Нам рано подниматься поутру.

Я закурю перед большой дорогой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Огни в ночи. <i>Перевел А. Зорин</i>	3
Фотоснимок. <i>Перевел А. Зорин</i>	3
Тест на углу улицы. <i>Перевел Е. Храмов</i>	4
Перекресток. <i>Перевел Е. Храмов</i>	4
Если бы снова... <i>Перевел Е. Храмов</i>	5
«В парке косят...» <i>Перевел Б. Штейн</i>	6
Три минуты молчания. <i>Перевел В. Куприянов</i>	7
Тигры. <i>Перевел Б. Штейн</i>	8
Страница из дневника. <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	8
Тайна леса. <i>Перевел Б. Штейн</i>	9
«Был ветер на небе, огонь был на земле...» <i>Перевел Л. Озеров</i>	10
Берега. <i>Перевел Е. Храмов</i>	11
«Дугов зелеными цветными берегами...» <i>Перевела Э. Тамм</i>	11
Песнь песней. <i>Перевел Л. Озеров</i>	12
Осенние листья. <i>Перевел А. Зорин</i>	12
Воспоминание о бабушке. <i>Перевел А. Зорин</i>	13
Дуб. <i>Перевел Б. Штейн</i>	14
Дикий голос лесной. <i>Перевел Б. Штейн</i>	15
«Сгнули, сгнули, сгнули...» <i>Перевел Б. Штейн</i>	16
Детские горести. <i>Перевел Л. Озеров</i>	16
Куст. <i>Перевел В. Куприянов</i>	17
Птичье яичко. <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	18
«Мирно дремлют безмолвные траулеры...» <i>Перевел Л. Озеров</i>	19
Волны. <i>Перевел А. Зорин</i>	19
На северном побережье. <i>Перевел Л. Озеров</i>	20
Железная дорога. <i>Перевел А. Зорин</i>	20
Последний день. <i>Перевел В. Шошин</i>	21
Коррида. <i>Перевел А. Зорин</i>	21
Лес. <i>Перевел Б. Штейн</i>	22
«Засуха. Август...» <i>Перевел А. Зорин</i>	22
«Не требуй от близких, чтоб с глазу на глаз...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	24
Конечная остановка. <i>Перевела Р. Казакова</i>	25
Полустанок. <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	26
«Все траулеры дремлют у причала...» <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	27
Ольшаники. <i>Перевел Б. Штейн</i>	28
Старый чемодан. <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	29

Арви Карлович СИИГ

ЕСЛИ БЫ СНОВА...

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор Т. Я. Ковыченок

Сдано в набор 22.10.85. Подписано к печати
25.12.85. А 00443. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага
газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,51.
Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80 000. Изд. № 65.
Зак. № 1761. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства
ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Государственный внутренний выигрышный заем 1982 года

● Вы можете стать обладателем денежного выигрыша от 100 до 10 000 рублей, если приобретете облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года.

● Облигации займа выпущены достоинством 50 и 25 рублей. Они свободно продаются и покупаются всеми сберегательными кассами.

● Выигрыши по займу установлены на пятидесятирублевую облигацию, включая ее нарицательную стоимость. По облигациям достоинством в 25 рублей выплачивается половина выигрыша.

● Владелец выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 рублей—автомобиля другой марки классом ниже (разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша доплачивается владельцем выигравшей облигации).

● По-прежнему участвуют в тиражах выигрышей находящиеся в настоящее время у населения облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года. После проведения 30 июня 1986 года последнего тиража по займу 1966 года владельцам облигаций предоставляется право до 1 июля 1987 года обменять их в сберегательных кассах на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года на льготных условиях, т. е. без уплаты курсовой разницы.

**Российское республиканское главное управление
Гострудсберкасс СССР**